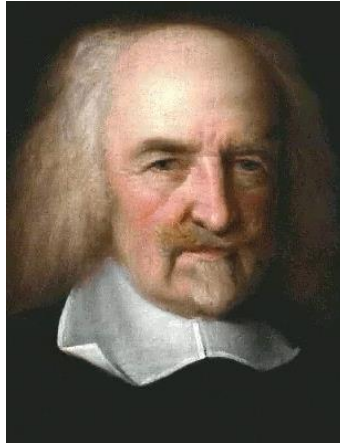

ТОМАС ГОББС (1588-1679)

Томас Гоббс (Thomas Hobbes) родился в семье сельского священника. в 15 лет он стал студентом Оксфордского университета, в котором проучился пять лет. По окончании университета Гоббс стал домашним учителем в семье барона Кавендиша. Ученик Гоббса был всего на два года моложе, чем учитель: по-видимому, ему был нужен не столько репетитор, сколько умный компаньон. В 1610 году они вместе отправились в трёхлетнее путешествие по Франции и Италии. Там Гоббс познакомился с "Геометрией" Евклида. Философ вспоминает, что его интересовали не столько теоремы сами по себе, сколько метод доказательства, основанного на ограниченном числе аксиом.

В 1629 году вышел из печати перевод "Истории" Фукидида, сделанный Гоббсом с древнегреческого языка. Десять лет спустя он опубликовал сочинение по вопросам права (*The Elements of Law*), в котором отстаивал необходимость сильной королевской власти. Поэтому, когда началась английская революция (1640), Гоббс срочно перевёл за границу свои сбережения (около 500 фунтов стерлингов) и снова уехал во Францию, где он безбедно прожил 11 лет (до 1651-ого года).

Всю жизнь философ отличался прекрасным физическим здоровьем. Он серьёзно заболел только однажды, в возрасте 59 лет. В течение шести недель он практически ничего не ел и надолго был прикован к постели, однако через шесть месяцев выздоровел (и дожил до 90 лет). Гоббс объяснял это тем, что никогда не доверял врачам, а лечился у какой-то знахарки. В 1651 году он опубликовал в Лондоне на английском языке свой главный труд "Левиафан" и в том же году вернулся в Англию. После реставрации монархии (1660), король назначил ему пенсию (100 гиней в год) и философ продолжал свою работу. Он перевёл свой главный труд на латинский язык и опубликовал его в Амстердаме, сделав его таким образом доступным для европейских учёных.

Гоббс сохранял интеллектуальную активность до глубокой старости (в возрасте 86 лет он напечатал свои переводы глав из "Илиады" и "Одиссеи" Гомера).

Несмотря на многообещающие названия ("О человеке", "О гражданине" и т. д.), книги у Гоббса невыносимо скучные, и для человека, который плохо знает Библию и специально не интересуется

философией, это чтение – пустая трата времени. Хотя, конечно, и у этого автора можно найти интересные мысли.

"ЛЕВИАФАН"

Великий Левиафан, который называется Государством, является лишь искусственным человеком, хотя и более крупным по размерам и более сильным, чем естественный человек, для охраны и защиты которого он был создан.

Левиафан – библейское чудовище. Созданный людьми, он приобретает самостоятельность и выходит из под их контроля.

Вследствие незнания, каким образом отличить сновидения и другие яркие фантастические образы от того, что мы видим и ощущаем наяву, и возникло в прошлом большинство религий язычников.

Благоразумие. Иногда человек желает знать последствия какого-нибудь действия, и тогда он представляет себе подобное действие в прошлом и его результаты, предполагая, что одинаковое действие приводит к одинаковым последствиям. Чем богаче опыт человека, тем он более благоразумен и реже обманывается в своих ожиданиях.

Опыт прошлого. Тот, кто наблюдал ход вещей и последовательность событий, при которых цветущее государство дошло сначала до гражданской войны, а затем до гибели, угадает при виде гибели другого государства, что подобная война и подобный ход событий имели место и здесь.

Способность к рассуждению не есть нечто врождённое (подобно памяти), или нечто приобретённое одним лишь опытом (подобно благоразумию), а достигается прилежанием.

Если богатство опыта есть благоразумие, то богатство знания есть мудрость. Хотя мы обычно обозначаем именем "мудрость" и то, и другое, римляне видели различие между *prudencia* и *sapientia*, приписывая первое свойство опыту, а второе – знанию.

Мудрость приобретается познанием людей, а не книг ... Тот, кто доверяет лишь авторитету книг, слепо следует за слепым. Даже среди тех людей, которые на совещаниях по государственным вопросам любят показать свою начитанность, весьма немногие делают это в своих домашних делах, где затрагиваются их частные интересы, ибо они достаточно благоразумны в отношении своих частных дел. В общественных же делах они больше озабочены репутацией собственного остроумия, чем успехом дела.

Страх перед невидимой силой, одобренной государством, называется религией. Страх перед невидимой силой, не одобренной государством, называется суевением.

Смех над недостатками других есть признак малодушия. Людям, обладающим душевным величием, свойственно сравнивать себя лишь с более способными людьми.

Эпидемия сумасшествия случилась в одном греческом городе, где она охватила молодых девушек, побудив многих из них повеситься. Большинство жителей того города сочли это деянием дьявола. Но один гражданин дал городским властям совет раздеть догола самоубийц и оставить их висеть голыми. Это, как рассказывает история, прекратило сумасшествие.

Богатство, соединённое с щедростью, является могуществом, ибо оно доставляет друзей и слуг; без щедрости богатство – ничто, ибо в этом случае оно не защищает своих обладателей, а делает их добычей зависти.

Дворянское звание есть могущество, но не везде, а лишь в тех государствах, где дворянство пользуется привилегиями, ибо в таких привилегиях и состоит его могущество.

NB Пусть люди ценят самих себя как угодно высоко, их истинная цена не выше той, в которую их оценивают другие.

Счастье этой жизни не состоит в покое удовлетворённой души. Ибо *finis ultimus* (конечной цели) и *summum bonum* (высшего блага), о которых говорится в старых книгах, не существует. Счастье состоит в непрерывном движении желания от одного объекта к другому, так что достижение предыдущей цели является лишь шагом к достижению следующей. Причиной этого служит то обстоятельство, что человек стремится обеспечить удовлетворение своих будущих желаний.

Стремление к знанию и к мирным занятиям располагает людей к повиновению властям. Ибо такое желание содержит желание иметь досуг, а следовательно, иметь защиту иной силы, чем их собственная.

NB Всё, что доставляет удовольствие в ощущении, доставляет удовольствие и в представлении.

NB Благодеяние со стороны равного обязывает, обязательство же есть рабство, а обязательство, которое не может быть оплачено, есть вечное рабство, которое для человека ненавистно. Если же мы получили благодеяния от человека, которого мы признаем выше себя, то это обязательство не есть унижение.

Обидчик склонен ненавидеть обиженного, ибо должен ожидать от него или мести, или прощения, но и то и другое ненавистно.

Люди, твёрдо убеждённые, что мудры в государственных делах, склонны к честолюбию, ибо без официального положения в государственном совете и в суде они лишены той чести, которую может им доставить их мудрость.

Бережливость (являющаяся добродетелью у бедных людей) делает человека непригодным к совершению таких деяний, которые требуют одновременных усилий многих людей, ибо активность этих усилий может быть питаема и поддерживаема лишь наградой, а бережливость её ослабляет.

NB Мы склонны принимать за действие народа множество действий, совершённых толпой людей, руководимых, одним человеком.

! Если бы та истина, что три угла треугольника равны двум углам квадрата, противоречила чьему-либо праву на власть или интересам тех, кто уже обладает властью, то это привело бы к сожжению всех книг по геометрии.

Любознательность заставляет людей переходить от наблюдения последствий к отысканию их причин, а затем к отысканию причин этих причин, так что в конце концов они должны прийти к тому заключению, что есть некая причина, которая не обусловлена никакой предшествовавшей причиной, а является вечной. И эту первопричину люди называют Богом.

Если люди совсем не занимаются исследованием естественных причин вещей, то обусловленный этим незнанием страх перед тем, что имеет силу причинить им много добра или зла, делает их склонными воображать существование разного рода невидимых сил и благоговеть перед образами своего собственного воображения.

Не склонившись к вере в существование предвечного Бога, нельзя иметь о Нём в уме никакого представления. Слепорождённый, который греется у огня, может легко понять, что есть что-то такое, что люди называют огнём и что является причиной ощущаемой им теплоты, и всё же не может себе представить, как этот огонь выглядит.

Естественная причина религии – беспокойство о будущем.

Человек, слишком далеко заглядывающий вперёд, в своей заботе о будущем всё время терзается страхом – страхом смерти, бедности или другого бедствия, имея отдых или передышку от своего беспокойства разве что во время сна.

Страх перед могуществом невидимых вещей – это постоянный страх, всегда сопровождающий человеческий род. Вот почему, когда нельзя найти видимый объект, люди считают виновником своего счастья или несчастья какую-то невидимую силу.

К естественным предсказаниям будущего, являющимся лишь догадками на основе опыта прошлого, творцы языческой религии прибавили бесчисленное количество суеверных способов определения будущего, основанных частью на мнимом опыте, частью на мнимом откровении.

Основатели государств, ставившие себе целью держать народ в повиновении и мире, везде заботились, во-первых, о том, чтобы внушить народу веру, будто те наставления, которые они дали ему в отношении религии, не являются их собственным изобретением, а продиктованы каким-нибудь богом; а во-вторых – чтобы внушить им веру, будто те самые вещи, которые запрещены законами, неуютны также и богам. Этими и другими подобными установлениями законодатели достигли того, что простой народ винил в своих

несчастьях самого себя – за неправильное исполнение религиозных церемоний или за неповиновение законам – и был не склонен бунтовать против своих правителей.

Религия у язычников была частью их политики.

Только ли у язычников?

Репутации искренних людей основатели или завершители религии лишаются в том случае, если они делают или говорят вещи, доказывающие отсутствие у них самих той веры, которой они требуют от других, или если они разоблачены в том, что преследуют личные цели, т. е. если вера, которой они требуют от других, служит для приобретения ими для себя власти, богатства, почестей и наслаждений. По этой причине была упразднена в Англии и во многих других частях христианского мира религия римской церкви, поскольку ослабление добродетели в пастырях привело к ослаблению веры в народе. Проявления корысти достаточно, чтобы умертвить самую живую веру.

Люди равны от природы. Природа создала людей равными в отношении физических и умственных способностей, ибо хотя мы наблюдаем иногда, что один человек физически сильнее или умнее другого, однако если рассмотреть всё вместе, то окажется, что разница между ними не настолько велика, чтобы один человек, основываясь на ней, мог претендовать на какое-нибудь благо для себя, а другой не мог бы претендовать на него с таким же правом. Что же касается умственных способностей (я оставляю в стороне науку), то я нахожу в этом отношении даже большее равенство среди людей, чем в отношении физической силы. Из этого равенства способностей возникает равенство надежд на достижение целей. Такова природа людей. Они могут признать других более образованными, но с трудом поверят, что имеется много людей столь же умных, как они сами.

Там, где нет власти, способной держать всех в подчинении, люди не испытывают никакого удовольствия от жизни в обществе.

Состояние войны всех против всех характеризуется тем, что при нём ничто не может быть несправедливым. Понятия правильного и неправильного, справедливого и несправедливого не имеют здесь места. Там, где нет общей власти, нет закона, а там, где нет закона, нет несправедливости.

Там, где не имело места предварительное заключение договора, никакое действие не может быть несправедливым. Но если договор заключён, то его нарушение – несправедливо.

Так как естественное состояние человека есть состояние войны всех против всех, нет ничего, чего он не мог бы использовать в качестве средства для спасения от врагов. Отсюда следует, что в естественном состоянии каждый человек имеет право на всё, даже на жизнь всякого другого человека. До тех пор, пока сохраняется право всех на всё, ни один человек не может быть уверен в том, что сможет прожить всё то время, которое природа обычно предоставляет человеческой жизни. Следовательно,

предписание разума гласит, что всякий человек должен добиваться мира, если у него есть надежда достигнуть его.

Ни один человек не обладает богоугодными качествами в такой мере, чтобы претендовать на рай по праву, а может надеяться получить его лишь по милости Бога.

Так как слова слишком бессильны, чтобы заставить людей выполнять свои соглашения, то для увеличения их принудительной силы человеческая природа имеет лишь два средства. Этими средствами являются или боязнь последствий нарушения своего слова, или чувство гордости, побуждающие человека показать, что он способен не нарушать своего слова. Это последнее является, впрочем, благородством, слишком редко встречаемым, чтобы на него можно было рассчитывать, особенно у тех, кто преследует цели богатства, власти или чувственных наслаждений, а к ним принадлежит большая часть человечества.

Природа справедливости состоит в выполнении соглашений, имеющих обязательную силу, но обязательная сила соглашений начинается лишь с установления гражданской власти, достаточно сильной, чтобы принудить людей к выполнению своих соглашений.

Там, где нет гражданской власти, стоящей над обеими обещающими сторонами, обещания не являются соглашениями.

NB Что касается захвата верховной власти путём восстания, то очевидно, что такая попытка противоречит разуму, ибо, хотя она и может увенчаться успехом, удачный исход может явиться соблазнительным примером для других добиваться той же цели теми же средствами.

Главная цель государства – обеспечение безопасности.

Целью людей (которые от природы любят свободу и господство над другими) при наложении на себя ограничений (которыми они связаны живя в государстве) является забота о самосохранении.

При установлении государства люди руководствуются стремлением избавиться от бедственного состояния войны, являющегося следствием естественных страстей людей там, где нет видимой власти, держащей их в страхе и под угрозой наказания, принуждающей их к выполнению соглашений и соблюдению законов.

Человек становится наиболее беспокойным именно тогда, когда ему лучше всего живётся, так как именно тогда он любит показывать свою мудрость и желает контролировать действия тех, кто управляет государством.

NB Действия людей обусловлены их мнениями, и в хорошем управлении мнениями состоит хорошее управление действиями людей с целью водворения среди них мира и согласия.

Всякий представитель народа есть одновременно и частное лицо. Поэтому, как бы усердно такой человек в качестве политического лица ни заботился об обеспечении общего блага, он, однако, более или менее усердно заботится также об обеспечении своего личного блага, блага своей семьи, родственников и друзей, и, если общие интересы сталкиваются с его частными интересами, он в большинстве случаев отдаёт предпочтение своим интересам, ибо страсти людей обычно бывают сильнее их разума. **NB** Общие интересы больше всего выигрывают там, где они более тесно совпадают с частными интересами. Именно такое совпадение имеется в монархии. Богатство, могущество и слава монарха обусловлены богатством, силой и репутацией его подданных. Ибо никакой король не может быть ни богат, ни славен, ни находиться в безопасности, если его подданные бедны, презираемы или слишком слабы, чтобы выдержать войну против своих врагов.

Есть три рода верховной власти, а именно: монархия, где носителем верховной власти является один человек; демократия, где носителем верховной власти является общее собрание всех граждан; аристократия, где верховная власть принадлежит собранию определённых лиц, так или иначе выделенных из остальной массы.

Нет такой совершенной формы правления, при которой право определения порядка наследования не принадлежало бы находящемуся у власти суверену.

Искусство строительства и сохранения государств, подобно арифметике и геометрии, основано на определённых правилах, а не только на практике. Для нахождения этих правил бедным людям не хватает досуга, а тем, кто имеет досуг, не хватает любознательности.

Свободный человек – тот, кому ничто не препятствует делать желаемое, если он по своим физическим и умственным способностям в состоянии это сделать.

Таких людей никогда не было и нет. Потому что всегда найдутся люди или обстоятельства, которые "препятствуют делать желаемое".

Законы бессильны, если им не приходит на помощь меч, заставляя исполнять законы.

Люди легко вводятся в заблуждение соблазнительным именем свободы и по недостатку способности различения ошибочно принимают за своё прирождённое право то, что является лишь правом государства.

Все люди одинаково свободны от природы, всякое обязательство человека может проистекать лишь из какого-нибудь его собственного действия.

NB Наибольшая свобода подданных проистекает из умолчания. Там, где суверен не предписал никаких правил, подданный свободен действовать или не действовать согласно своему собственному усмотрению.

Обязанности подданных по отношению к суверену предполагаются существующими лишь в течение того времени, пока суверен в состоянии защищать их. Ибо данное людям

природой право защищать себя, когда никто другой не в состоянии их защитить, не может быть отчуждено никаким договором.

Разрешить подданным иметь абсолютное представительство всех их интересов и стремлений значило бы уступить соответствующую часть власти государства и разделить верховную власть, что противоречило бы целям водворения мира среди подданных и их защиты.

N Можно было бы думать, что при распределении земли само государство может удержать для себя известную часть, владеть ею и обрабатывать её через своих представителей и что эта часть может быть достаточно большой, чтобы благодаря ей покрывать все расходы, которых необходимо требует обеспечение общего мира и защиты. Это было бы верно, если бы можно было вообразить себе какого-нибудь представителя государства свободным от человеческих страстей и недостатков.

Закон есть закон лишь для тех, кто способен его понимать. Для идиотов, детей и сумасшедших не существует закона, так же как и для зверей, и к ним неприменимы понятия справедливого и несправедливого.

Качеством, делающим судью хорошим, является, во-первых, ясное понимание основного естественного закона, называемого справедливостью; оно зависит не от чтения книг, а от собственного естественного разума человека и от его умения размышлять и предполагается у тех людей, которые имеют наибольший досуг и наибольшую склонность размышлять о принципе справедливости. Вторым качеством является презрение к излишнему богатству и к чинам. Третьим качеством – способность отвлечься в своём суждении от всякой боязни, гнева, ненависти, любви и сострадания. Четвертым – способность терпеливо и внимательно выслушивать и запоминать, обдумывать и применять слышанное.

Там, где нет права, нет и преступлений.

Одной из страстей, которые чаще всего бывают причиной преступления, является тщеславие, то есть глупая переоценка собственной личности. Тщеславные люди, как правило, подвержены гневу. Очень мало найдётся таких преступлений, которые не имели бы своим источником гнев. Люди, кичащиеся своим богатством, тоже смело совершают преступления в надежде, что им удастся избежать наказания путём подкупа государственного правосудия. А люди, имеющие множество могущественных родственников или завоевавшие себе популярность и определённую репутацию среди толпы, осмеливаются нарушать законы в надежде, что им удастся оказать давление на ту власть, которой надлежит заботиться о приведении законов в исполнение. Наконец, люди, имеющие высокое и ложное мнение о собственной мудрости, берут на себя смелость порицать действия властей, ставить под вопрос их авторитет и своими публичными выступлениями опрокидывать законы. А что касается преступлений, к которым способны привести такие страсти, как ненависть, сладострастие, честолюбие и корыстолюбие, то они столь очевидны всякому человеку на основании его собственного опыта и размышления, что об этом нет нужды говорить.

Что касается восстаний против монархии, то одной из наиболее частых причин таковых является чтение политических и исторических книг древних греков и римлян. Поддаваясь сильному впечатлению от великих подвигов, совершённых полководцами этих народов, молодые люди, которым не хватает солидного ума, воображают, что великое преуспевание этих полководцев было обусловлено не соперничеством отдельных людей, а демократической формой правления.

После того как человеческий род начал строить (хотя бы и плохо), было изобретено искусство строить хорошо – на основании применений принципов разума, открытых трудолюбивыми людьми, которые долго изучали природу материалов и различное влияние форм и пропорций. Точно так же, много времени спустя, после того как люди начали создавать несовершенные и подверженные возврату в беспорядочное состояние государства, могут быть прилежным размышлением найдены принципы разума, применение которых сделало бы существование государства долговечным (если только оно не подвергается насилию извне).

Благоденствие народа, управляемого аристократическим или демократическим собранием, обусловлено не формой правления, а послушанием подданных, и в монархии народ процветает не потому, что право управлять им принадлежит одному человеку, а потому, что народ повинуется этому человеку. Устраните в каком-либо государстве послушание (или внутреннее согласие) народа – и народ не только не будет процветать, но в короткое время погибнет.

Следует внушать народу, что он не должен поддаваться восторгу перед доблестью кого-нибудь из сограждан, какое бы высокое положение тот ни занимал и как бы ярко ни блистала его слава в государстве.

Люди, которых нужда или корыстолюбие заставляют всецело отдаться своим промыслам и труду, не имея времени предаваться глубоким размышлениям, получают понятия о своём долге главным образом от таких соседей или знакомых, которые кажутся им более мудрыми и более сведущими в вопросах права и совести, чем они сами. А люди, претендующие на учёность, получают свои знания из университетов или из книг, опубликованных профессорами этих университетов. Из этого очевидно, что просвещение людей всецело зависит от правильной постановки обучения юношества в университетах.

Понятность закона зависит не столько от изложения самого закона, сколько от объявления причин и мотивов его издания. Именно это показывает нам намерение законодателя, а когда намерение известно, тогда легче понять закон.
